

УДК 9(С16)2
ББК 63.3(2РОФ-4Рос)

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРОБЛЕМА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ДОНСКИХ КАЗАКОВ В ОРГАНАХ ВЛАСТИ И САМОУПРАВЛЕНИЯ В 1920-е ГОДЫ

Р.Г. Тикиджьян

В статье с привлечением нового архивного материала раскрываются особенности процесса участия донских казаков в выборах, организации и работе органов советской власти и управления в период 1920-х годов.

Ключевые слова: *большевистская политическая элита, политика «лицом к казачеству», «лишенцы», выборы, донские казаки и иногородние, «оказачивание» советов.*

Изучение проблем политической истории Советского государства, ее особенностей в южно-российских казачьих регионах всегда интересовало исследователей и имеет свою историографическую традицию. Политико-административная модернизация, ее важнейшая составляющая кампания «лицом к деревне», подготовка и реализация решений апрельского пленума ЦК РКП(б) 1925 г. и очередного поворота большевистской партийно-государственной элиты «лицом к казачеству», вовлечение казаков в работу советских и партийных органов власти и самоуправления в 1920-е гг. рассматривались в исследовательских работах: А.В. Баранова, В.Д. Батырева, Г.Л. Воскобойникова, С.А. Кислицына, Я.А. Перехова, Д.К. Прилепского, А.П. Скорика, П.Г. Чернопицкого, В.Е. Щетнева и других историков [1; 2; 3; 5; 7; 9; 10; 11; 27; 29]. Однако целый ряд вопросов требует сегодня более глубокого переосмысления, дополнительной фактографической детализации и аргументации.

До провозглашения политики «лицом к казачеству», в первые годы нэпа (1922–1924 гг.), ситуация в сфере местного самоуправления на Дону, представительства казаков

в органах власти разных уровней, в рядах коммунистической партии и комсомоле не могла быть названа терпимой. Коммунисты проводили в сельские советы, как правило, только своих ставленников, старались не пропускать туда хозяйственных и зажиточных крестьян, особенно казаков, даже если последних поддерживало большинство населения. В итоге выборы в местные органы власти и в сельсоветы превращались в профанацию и зачастую проходили формально, при полной пассивности жителей села или станицы. Представители донского казачьего сообщества чаще всего не занимали руководящих постов в тех или иных учреждениях или организациях. Образно говоря, «начальником» обычно становился иногородний, пусть даже уровень его профессионализма в порученном деле намного уступал квалификации подчиненных ему казаков. Разумеется, социально-политические предпочтения большевистской политической элиты в сфере местного самоуправления и административного устройства прямо влияли на избирательную активность донцов и на их отношение к органам власти. Казачье население в основной своей массе игнорировало выборы в сельские и станичные советы, расценивая эти органы как опорные пункты большевистского режима в станицах, чуждые, а то и враждебные казачеству. Весьма показательно, что такое же отношение к органам

местного самоуправления демонстрировали в это время и многие коренные донские крестьяне, также имевшие широкие традиции самоуправления и возмущенные засильем коммунистов.

Негативистское отношение казачества к выборам ярко проявилось, в частности, и позднее – в 1924 году. Представители донского партийного руководства констатировали, что проведенные в 1924 г. перевыборы местных советов «показали громаднейший абсентеизм (уклонение от выборов): из трехсот пятидесяти тысяч (350 тыс.) избирателей явилась одна треть, то есть 31,45 %» [14, л. 30а, 33а–34, 36]. Однако справедливости ради надо отметить, что в то же время фиксировалось стремление зажиточных крестьян и казаков Дона либо самим пройти в советы, либо провести туда своих ставленников для защиты собственных интересов. При этом подчеркивалось, что «устранение от выборов происходило неорганизованно и отсутствовало общее руководство этой работой» [там же, л. 31]. Причем, никакие «затаившиеся враги» не призывали крестьян и казаков саботировать выборы; это была естественная реакция части электората, разочарованного и возмущенного целенаправленными мерами большевиков и иногородних по подчинению своему контролю органов местного самоуправления в селах и станицах Дона. Кроме того, члены Донского окружкома РКП(б) печально констатировали, что «абсентеизм в нынешних выборах больше, чем в прошлом году»: если в 1923 г. выборы игнорировали 47 % избирателей, то в 1924 г. – уже около 70 % [там же, л. 30а]. Сохранявшуюся и даже возрастающую избирательную пассивность донских хлеборобов можно было объяснить лишь неизменностью политики большевиков в области местного самоуправления, построенной на жестком подчинении сельских и станичных советов партийным органам.

Постепенный поворот части лидеров РКП(б) к политике «лицом к казачеству» существенно изменил ситуацию в сфере местного самоуправления донских казачьих станиц и способствовал более активному вовлечению казаков на административную и хозяйственную работу. Уже в конце 1924 г. Донской окружной исполком признал «недостаточное

втягивание в дело советского строительства некоторых категорий сельского населения, как, например: крестьянок, середняков, казаков». Отмечая, что в казачьих районах Дона вплоть до 1924 г. господствовала «неправильная политика по отношению к казачеству в смысле втягивания его в сферу советской работы» [15, л. 2об], партийно-советское руководство приняло меры к повышению избирательной активности казаков и росту их доверия к органам местного самоуправления.

Новая политическая линия, проводимая большевистской партийно-политической элитой, прежде всего, выражалась в постепенном снятии административных препятствий свободным выборам. В казачьих станицах «оживление» советов, как известно, выразилось в их «оказачивании», которое понималось, по мнению ответственных работников, как «большее вовлечение казачества в работу массовых станичных органов... Решительное выдвижение наиболее авторитетных и лояльных казаков на руководящую советскую работу от станицы до края с курсом на казака-председателя станичного совета», «подлинное оживление работы массовых организаций», «использование навыка и активности казачества к общественному обсуждению вопросов и с этой целью устройство общегражданских собраний без подмены ими работы сельсоветов, втягивание в обсуждение наиболее <важных> станичных вопросов всей массы станицы (сельбюджет и др.)» [4, с. 31].

В числе таких важных мер необходимо особо указать и на восстановление значительного количества групп так называемых «лишенцев» в избирательных правах и проведение досрочных перевыборов местных советов в марте 1925 года. Они должны были дезавуировать плачевные итоги выборов осени 1924 г., прошедших, как уже отмечалось, при явной пассивности электората, усилившейся даже по сравнению с предшествующими годами.

Следующий, наиболее мощный импульс процессам «оживления» и «оказачивания» советов в казачьих станицах Дона последовал уже после апрельского (1925 г.) пленума ЦК РКП(б). Как отмечал известный донской историк П.Г. Чернопицкий, резолюция апрельского пленума дала «политическое представи-

тельство казакам, как особой группе сельского населения» [28, с. 13]. Действительно, согласно этой резолюции, «ближайшей задачей» признавалось «последовательное и полное проведение линии в отношении оживления Советов и решительное привлечение к советскому строительству через Советы широких слоев казачества...», в том числе казачьей интеллигенции и части «лишенцев» (реэмигрантов, бывших станичных и хуторских атаманов и писарей). Так, уже «...в наименовании Советов в казачьих районах должно быть обязательным упоминание: «и казачьих депутатов» [6, с. 933], то есть также, как уже было в 1917 – начале 1918 года. Кроме того, в казачьих станицах Юга России разрешалось допустить и традиционную для казачества выборность «должностных лиц советов (завхоз, казначей, базарный) на пленумах советов» [19, л. 19об].

Результаты тактической линии на «оживление» и «оказачивание» станичных советов и местной администрации не замедлили сказаться на Дону (как и в других казачьих регионах РСФСР). В итоге проведенных мероприятий, например, серьезно сократилось число категории лиц так называемых «лишенцев». Руководство Донецкого округа констатировало в мае 1925 г., что «амнистия по восстановлению в избирательных правах сократила число лишенных с 3 053 на 1 303, за счет в наибольшей части реэмигрантов <как> рядовых <казаков, так> и бывших хуторских старост, атаманов» [23, л. 28]. Результатом стало не только увеличение численности избирателей и возрастание активности электората, но и в определенной степени, нормализация взаимоотношений большевиков и казачества. Если до 1925 г. «казак принимал очень слабое участие в перевыборах советов» [20, л. 61а], «казаки не шли на выборы, считая, что это не их дело, их победила иногородняя коммунистическая Советская власть, пусть и в советы выбирают эти иногородние», то в рамках реализации политики «лицом к казачеству» ситуация радикально изменилась [16, л. 3].

Спустя несколько месяцев после апрельского (1925 г.) пленума ЦК РКП(б) власти Шахтинского округа отмечали, что наблюдается «возрастающая политическая активность крестьянства и особенно казачества»

[25, л. 7]. Во время перевыборов сельских и станичных советов весной 1925 г. в Константиновском районе на избирательные участки пришло едва ли не 100 % местных казаков [16, л. 3]. Причем, в выборах и в деятельности советов теперь принимали участие даже казаки старших возрастов, которые ранее принципиально игнорировали местное самоуправление в его «большевистском» советском варианте. Руководство Донецкого округа отметило: «если на прошлых выборах мы мало замечали присутствия стариков, особенно в казачьих станицах, как прежних общественников, то теперь они заполнили собою выборные собрания и не только для того, чтобы посмотреть, послушать, а с настойчивостью выдвигали свои требования к собраниям в советы проводить хозяйственников, деловых людей, честных» [23, л. 30–31].

Наконец, закономерным итогом мероприятий по «оказачиванию» советов стало существенное увеличение казачьего представительства в органах местного самоуправления. В 1924 г., по итогам очередных перевыборов, в станичных советах Донского округа оказалось 27,75 % казаков, а среди председателей станичных советов они составляли 22,46 %; крестьян же в советах было до 63 % (среди председателей – 63,64 %) [14, л. 31].

В том же году доля казаков в районных исполнительных комитетах составила 17,61 %, а крестьян – около 31 % [там же, л. 31а]. Интересно, что в 1924 г. явно выраженные диспропорции представительства казаков и крестьян в местных органах власти не только не вызвали у донского партийного начальства какой-либо обеспокоенности, но воспринимались как должное. Если доля казаков в райисполкомах была охарактеризована как «достаточная», то относительно крестьян (которых в исполкомах было чуть ли не вдвое больше, чем казаков) отмечалось, что их «маловато» [там же, л. 31а].

Напротив, в 1925 г., в рамках политики «лицом к казачеству», партийно-советское руководство Дона озаботилось увеличением удельного веса казаков в составе местных органов власти. В частности, в результате перевыборов 1925 г. в сельские и станичные советы Донецкого округа были избраны 3 444 человека: из них крестьян насчитывалось 2 247 человек, казаков – 1 174, рабочих – 9.

В президиумы советов прошли 219 крестьян и 136 казаков, а председателями органов местного самоуправления стали 77 крестьян и 41 казак [23, л. 38, 38а, 40, 41]. В целом же, по всем округам и районам Дона, динамика представительства крестьян и казаков в сельских и станичных советах выглядела следующим образом. Если в 1924 г., как уже отмечалось, казаки составляли в сельских и станичных советах (по разным данным) от 27,75 до 29,7 %, а крестьяне – соответственно 63 % (70,3 %), то в 1925 г. удельный вес казаков увеличился до 32,1 % (37,6 %), а крестьян стало меньше – 62,4 % [20, л. 61а].

Следует отметить также не только количественные, но и качественные изменения, произошедшие в сфере самоуправления донских казачьих станиц Дона в связи с реализацией данной политики. На данном этапе большевистские лидеры согласились терпеть инициативных и независимых хлеборобов из казаков и зажиточных крестьян в органах местного самоуправления, куда их избирало местное население.

О перемене отношения к таким крестьянам и казакам четко заявил на состоявшемся в феврале 1926 г. втором пленуме Донского окружкома ВКП(б) секретарь Ейского райкома компартии П.М. Горюнов [17, л. 91а, 91б–92]. Ранее большевики не подпускали таких смутьянов к советам и другим органам местного управления. С 1925 г. казаки стали более активно вовлекаться и в состав административных учреждений. Как отмечает известный донской историк Я.А. Перехов, в целом по Северо-Кавказскому краю только за первый квартал 1925 г. на работу в различные учреждения и организации было направлено 129 беспартийных крестьян и казаков. Из них – 44 человека были направлены в окружные, 85 – в районные исполкомы, 8 хлеборобов стали заместителями председателей окружных исполкомов, 11 – заместителями заведующих окружными земельными управлениями [7, с. 90].

В терминологии 1920-х гг. процесс вовлечения рядовых, беспартийных казаков и крестьян в административные структуры или хозяйственные учреждения и организации именовался «выдвижением на руководящую советскую и хозяйственную работу» и расце-

нивался в целом положительно. Конечно, с одной стороны, за 2–3 года налицо имело место явное увеличение представительства казаков в различных органах власти районного и даже окружного масштаба (хотя и ранее, до 1925 г., подобные случаи также не были большой редкостью). Однако, как правило, лишь в единичных случаях казаки не просто входили в состав тех или иных советских, административных учреждений и организаций, но и непосредственно возглавляли их.

Таким образом, в 1925 г., как и до реализации политики «лицом к казачеству», действительные рычаги власти находились по-прежнему в руках иногородних, а казаки, чаще всего, играли в администрации роль статистов или, в лучшем случае, могли претендовать на пост заместителей тех или иных «начальников». Бесспорно, казаков стало больше в органах власти, но они, как правило, не возглавляли эти органы, не могли прямо и серьезно влиять на принятие решений. Данная ситуация в очередной раз свидетельствовала о сохранявшемся недоверии большевиков и иногородних к казакам.

Помимо органов местного самоуправления или администрации, в 1925–1927 гг. большевики пошли даже на то, чтобы принять ряд казаков в «святая святых», в коммунистическую партию и в комсомольскую организацию. Подобные меры были насущно необходимы в рамках политики «лицом к казачеству», потому что с представительством казаков в партийной и комсомольской организациях дела обстояли еще хуже, чем с их участием в работе советов, органов местного самоуправления или административно-хозяйственных учреждений. Однако враждебность большевистского политического режима, его региональной элиты, состоявшей в основном из представителей интеллигенции, рабочих и иногородних, к казачеству оказалась весьма устойчивой. Это зачастую исключало возможность пополнения Донской организации РКП(б) за счет зажиточных коренных крестьян и даже лояльных казаков. Более того, в ходе чисток партийных рядов казаки исключались из компартии в первую очередь, как наиболее сомнительный и подозрительный элемент. Так, в 1921 г. была осуществлена чистка Донской парторганизации, причем среди «вычищен-

ных» больше всего было казаков, – 58 % (из расчета на каждую сотню исключенных из партии) [12, л. 107]. Это притом, что и ранее казаков среди донских коммунистов было немного, не более 10 % на каждую сотню. Неудивительно, что на состоявшейся 10–12 декабря 1921 г. V Донской областной партийной конференции, согласно отчету мандатной комиссии, только 5 (пятеро) из 122 делегатов принадлежали к казачьему сообществу [13, л. 19]. К середине 1920-х гг. ситуация не улучшилась, местные власти сообщали в ЦК РКП(б) в марте 1925 г. о том, что налицо «малочисленность коммунистов среди казачества» [8, л. 88]. Так, по состоянию на 1 июля 1925 г. в основных казачьих округах Дона и Кубани среди более чем 10,5 тыс. коммунистов насчитывалось – 745 казаков, то есть всего около 7 % [7, л. 104]. В ходе реализации политики «лицом к казачеству» в годы нэпа, в данной сфере все же произошли некоторые позитивные и весьма заметные сдвиги. В частности, лидеры парторганизации Дона заговорили даже о формировании партийных ячеек, которые бы состояли в основном из казаков; были предприняты меры по созданию таких ячеек. Например, в конце 1925 г. Вешенский райком РКП(б) докладывал вышестоящему партийному руководству о намерении создать в станицах кандидатские группы «в целях лучшего достижения политвоспитания кандидатов и <усиления> своего партвлиятельства среди населенных пунктов казачества» [22, л. 5]. Вешенцы были не одиноки в своих действиях, поскольку на состоявшемся в январе 1926 г. совещании секретарей сельских ячеек ВКП(б) Донского округа представитель Семикаракорского района Власов рассказывал, что у них в ячейке 14 казаков и только 4 иногородних, то есть фактически – «ячейка казачья» [18, л. 141].

Нельзя не отметить, что мероприятия по так называемому «оказачиванию» Донской региональной партийной организации дали в итоге весьма скромные результаты. В целом в составе Северо-Кавказской парторганизации даже к июлю 1928 г. насчитывалось только 3 042 казака, что составляло лишь 3,7 % от общей численности южно-российских коммунистов. Хотя к этому времени численность казаков-партийцев и выросла на 411 человек

по сравнению с началом того же года [21, л. 151], их представительство в рядах краевой организации ВКП(б) никоим образом не было пропорционально удельному весу в составе населения Юга России. Одновременно следует заметить, что даже к казакам-коммунистам партийное руководство Северо-Кавказского края по-прежнему испытывало определенное недоверие, в связи с чем в 1928 г. было даже решено проверить степень влияния «сословной розни на внутрипартийную жизнь» [26, л. 12].

Примерно такими же, более чем скромными, результатами закончились и попытки «оказачивания» молодежных организаций – донского комсомола. Молодые казаки не очень-то стремились в ряды комсомола, в связи с чем численность членов этой молодежной организации в казачьих районах Дона не только не была высокой, но даже снижалась. Донской окружной комитет ВКП(б) печально констатировал осенью 1927 г., что, если на 1 января 1926 г. в комсомоле состояло 947 казаков, то на 1 июля 1927 г. осталось только 648, «что характеризует ослабление внимания к работе среди казачьей молодежи» [20, л. 61а–62]. Даже в июле 1929 г. партийные лидеры указывали на «особо слабое состояние комсомольских организаций среди масс казачьей молодежи» [24, л. 22].

Подводя некоторые итоги, можно предметно констатировать, что в годы нэпа мероприятия, осуществленные на Дону в 1924–1928 гг. в рамках реализации политики «лицом к деревне», «лицом к казачеству», носили явно противоречивый характер. Несмотря на весьма неоднозначное, и даже отрицательное к ним отношение со стороны многих партийно-советских работников, крестьянского и особенно иногороднего населения, даже части самих казаков, они все же способствовали повышению хозяйственной и общественной активности донцов, росту их доверия к советской власти, способствовали начавшемуся процессу инкорпорации части донского казачества в партийно-советские политические структуры. Можно согласиться с выводами лидеров донской парторганизации, полагавших в 1927 г., что «вся сумма мероприятий по работе среди казачества способствовала сдвигу казачества к более активному его участию в сов.<етском> строительстве,

укреплению влияния партии в бедняцко->средняцких массах казачества, заметному ослаблению сословной розни и более яркому выявлению классового расслоения внутри казачества» [20, л. 61а].

Учитывая бывшую военно-служебную специфику своей корпорации, донцы приняли в это время и достаточно активное участие в укреплении обороноспособности СССР (РСФСР), не отказываясь от поддержки проведения военно-милиционной реформы и военной службы в рядах рабоче-крестьянской Красной Армии. Однако многие позитивные начинания, налаживание взаимопонимания между советской властью и казачеством, иногородним населением Дона, вновь были прерваны отказом от политики нэпа. В итоге форсированной «социалистической модернизации» и насильственной сплошной коллективизации донской деревни, начавшейся с кризиса хлебозаготовок 1928–1929 гг., «ренессанса» антикрестьянской и в первую очередь антиказачьей репрессивной политики по отношению к зажиточным и части середняцких слоев, завершился переход к тоталитарной, административно-командной системе управления и режиму личной власти И.В. Сталина. Возвращение к элементам более либеральной политики по отношению уже к колхозному крестьянству и казачеству произошло отчасти только после 1936 г., с принятием новой Конституции СССР, и началом эксперимента по формированию «советского казачества», его включению в состав РККА накануне Второй мировой и Великой Отечественной войн.

Таким образом, политика «лицом к казачеству» оказалась временным политическим зигзагом в практической деятельности большевистской политической элиты, рассчитывавшей на кардинальное изменение отношения донского казачества к советской власти. Попытка привлечь донцов в партийно-советские управленческие структуры, хотя и принесла отдельные заметные результаты, но так и не стала долговременным политическим курсом. Обе стороны политического процесса не смогли заключить успешного и долгосрочного компромисса и политического союза на благо преобразования донского региона в 1928–1939 годах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов, А. В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики / А. В. Баранов. – Краснодар : Изд-во КубГУ, 1999. – 346 с.
2. Воскобойников, Г. Л. Советская власть и казачество (1921 – июнь 1941) / Г. Л. Воскобойников, В. Д. Батырев. – М. : ООО Принт, 2003. – 196 с.
3. Воскобойников, Г. Л. Казачество и социализм: Исторические очерки / Г. Л. Воскобойников, Д. К. Прилепский. – Ростов н/Д : Кн. изд-во, 1986. – 160 с.
4. Горюнов, П. М. О казачьем вопросе (из наблюдений и опыта работы по Ейскому району Донского округа) / П. М. Горюнов. – Ростов н/Д : Изд-во ДОДН, 1925. – 32 с.
5. Кислицын, С. А. Государство и расказачивание. 1917–1945 гг. / С. А. Кислицын. – Ростов н/Д : Изд-во РГУ, 1996. – 48 с.
6. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1953. В 2 ч. Ч. 1. 1898–1925. – Изд. 7-е. – М. : Госполитиздат, 1953. – 1204 с.
7. Перехов, Я. А. Власть и казачество: поиск согласия (1920–1926 гг.) / Я. А. Перехов. – Ростов н/Д : Изд-во РГУ, 1997. – 178 с.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 84. – Д. 904.
9. Скорик, А. П. Казачий Юг России в 1930-е годы: грани исторических судеб социальной общности / А. П. Скорик. – Ростов н/Д : Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. – 508 с.
10. Скорик, А. П. Многоликость казачества Юга России в 1930-е годы: Очерки истории / А. П. Скорик. – Ростов н/Д : Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2008. – 344 с.
11. Скорик, А. П. Донцы в 1920-х годах: Очерки истории / А. П. Скорик, Р. Г. Тикиджьян. – Ростов н/Д : Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. – 244 с.
12. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИ РО). – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 4.
13. ЦДНИ РО. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 130.
14. ЦДНИ РО. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 15.
15. ЦДНИ РО. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 17.
16. ЦДНИ РО. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 33.
17. ЦДНИ РО. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 45.
18. ЦДНИ РО. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 70.
19. ЦДНИ РО. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 93.
20. ЦДНИ РО. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 141.
21. ЦДНИ РО. – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 754.
22. ЦДНИ РО. – Ф. 36. – Оп. 1. – Д. 5.
23. ЦДНИ РО. – Ф. 75. – Оп. 1. – Д. 64.
24. ЦДНИ РО. – Ф. 75. – Оп. 1. – Д. 115.
25. ЦДНИ РО. – Ф. 118. – Оп. 1. – Д. 69.
26. ЦДНИ РО. – Ф. 118. – Оп. 1. – Д. 133.

27. Чернопицкий, П. Г. Деревня Северокавказского края в 1920–1929 гг. / П. Г. Чернопицкий. – Ростов н/Д : Изд-во РГУ, 1987. – 232 с.

28. Чернопицкий, П. Г. К вопросу о возрождении казачества / П. Г. Чернопицкий // Возрождение казачества (история, современность, перспективы) :

тез., докл., сообщений, выступлений на V Междунар. (Всерос.) науч. конф. – Ростов н/Д : Изд-во РГУ, 1995. – С. 11–15.

29. Щетнев, В. Е. Рассказывание как социально-историческая проблема / В. Е. Щетнев // Голос минувшего. – 1997. – № 1. – С. 18–22.

**NEW ECONOMIC POLICY OF THE SOVIET STATE
AND THE DON COSSACKS' REPRESENTATION IN STATE BODIES
AND INSTITUTIONS OF LOCAL GOVERNING IN 1920s**

R. G. Tikidgian

On the basis of newly discovered archive materials the author presents peculiarities of the Don Cossacks' involvement in elections, organization and participation in the Soviet state bodies activities and local governing in 1920s.

Key words: *bolsheviks' political elite, «Face to the Cossacks» policy, political «dispossessioners», elections, the Don Cossacks and non-resident, «Cossacks making» of the Soviet.*